

В.И. ЕРМОЛОВИЧ

---

*ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ В ПРАВЕ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И СТРАН
КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ
(ЧАСТЬ 3. НАЧАЛО В №№ 3 И 4 2008 г.)*

---

3. Феодалная частная собственность. Основным источником, который был использован нами для изучения феодальной собственности в средневековой Сербии, являются жалованные грамоты — хрисовулы, содержащие перечень пожалованных сел, повинностей зависимых крестьян и иммунитетных привилегий. Но ценность названных документов снижается, так как большинство из них принадлежит монастырям и датируется XIII — XIV вв. Это не позволяет нам точно определить степень их распространения на территории всего сербского государства, ибо они получают отражение в хрисовулах постольку, поскольку характерны для монастырских владений.

Кроме хрисовулов важным источником является “Законник Стефана Душана” — сборник постановлений в области государственного, гражданского, уголовного и церковного права. Законник не только отразил наличие частной собственности в средневековом обществе, но и классифицировал ее на ряд категорий. Так, Законник различает баштину — родовую собственность, т.е. наследственное владение (вотчину), от купленицы — имения, приобретенного на основе договора купли-продажи. При этом упоминание о баштине встречается в тексте “Законника Стефана Душана” повсеместно, а о купленице — лишь один раз в ст. 170 Законника “О баштинах”, которая выявлена в Быстрицком и Раковецком списках. Указанная статья гласит следующее: “Землевладельцы, которые имеют свои родовые земли и виноградники, и купли, вольны свои виноградники, земли отдавать в приданное или в дар церквям, но при этом работник всегда остается на том месте, за тем господином, кто владеет селом...” [6, 215]. При этом “Законник Стефана Душана” 1349 г. гарантирует владельцам баштины как юридический, так и экономический иммунитет. Так, ст. 40 Призренского списка “Законника Стефана Душана” гласит: “И все Хрисовулы и Указы, что кому выдало мое царское величество и что кому выдаст, и те баштины да будут тверды, как и первых правоверных царей. Да вольны ими располагать и дарить церкви или отдать на помин души, или продать иному лицу” [7, 134]. Кроме того, из ст. 42 Законника следует, что все баштины являются свободными от налогов и податей в пользу государства:

Виктор Иванович ЕРМОЛОВИЧ, докторант кафедры теории и истории государства и права Белорусского государственного университета.

“...разве да дают сок (поземельная подать, собираемая натурой — *В.Е.*) и да ходят на войну по закону” [7, 134].

Согласно ст. 41 Призренского списка “Законника Стефана Душана” баштина даже после смерти владельца и его прямых наследников не переходила в собственность государя на правах выморочного имущества. Баштина всегда оставалась собственностью рода, пока жив хотя бы один из боковых родственников [7, 134].

В источниках XIII—XIV вв. мы встречаем крайне мало упоминаний о пожаловании государями Сербии недвижимой собственности светским феодалам на правах баштины. Так, согласно личному распоряжению короля Милутина боярскому роду Жаретичей в 1314 г. была пожалована баштина [30, 88—89], т.е. земельное владение на правах вотчины. За период правления С. Душана профессор Т.В. Тарановский установил только один факт царского распоряжения о пожаловании баштины властеличу Иванку Прибиштитовичу от 28 мая 1350 г. [24, 48]. На первый взгляд, может показаться весьма странным, что почти полностью отсутствуют сведения о королевских земельных пожалованиях (баштинах) высшим должностным лицам государства, в частности, жупанам — наместникам короля, возглавлявшим административно-территориальные округа. Попытка объяснить данное явление была предпринята профессором Т.В. Тарановским в монографическом исследовании “История сербского права в государстве Неманичей”. Он пришел к выводу, что на территории средневековой Сербии к середине XIII в. был завершён процесс феодального раздела земельного фонда страны, вследствие чего сократилась возможность многочисленных пожалований баштин представителям господствующего класса со стороны верховной власти [24, 48]. Свободных земельных владений для пожалования феодалам уже не было в распоряжении государей Сербии.

Вместе с тем процесс пожалования баштин феодалам за службу продолжался на протяжении и XIV в. Нам удалось установить факт пожалования двух баштин и в период правления короля Стефана Уроша в 1357 г., согласно которому земельные владения получили в дар представители которской власти Б. Биволичич и Т. Бучич [12, 311]. Об этом же свидетельствуют и юридические нормы, закрепленные в Законнике Стефана Душана 1349 г., где изложен механизм этих пожалований. Так, при получении царской жалованной грамоты на вступление во владение баштиной была предусмотрена специальная пошлина в пользу должностных лиц государственной системы управления от того, кто вступил во владение пожалованной баштиной. Ст. 134 Законника гласит: “Когда жалует царь грамоту на баштину. Кому запишет село, да будет логофету 30 перперов за хрисовул, а кому жупу — от всякого села 30 перперов, а дьяку за написание (грамоты) — 6 перперов” [7, 140].

Разумеется, на основании того, что сохранилось малое количество сведений о королевских пожалованиях высшим должностным лицам Сербии, было бы неверно делать какие-либо определенные заключения. И все же в свете отмеченного обстоятельства возникает вопрос, не была ли главная форма вознаграждения жупанов за выполнение ими административных функций иной, чем у тех категорий служилых людей, которые не исполняли подобных функций. В этой связи нельзя не напомнить, что, по свидетельству летописи попа Дуклянина, жупаны на территории Далматии получали 1/3 налога (*tributum*), а 2/3 передавали королю [52, 55]. Хотя достоверность многих сведений этой летописи довольно сомнительна, данное сообщение кажется весьма правдоподобным. Оно находит косвенное подтверждение в практике сохранения за королями 2/3 налогов как с переданных в управление или пожалованных земель, так и от некоторых других доходов [53, 702—703]. Аналогичное явление было характерно для средневековой Сербии и Хорватии. Например, согласно грамоте, дарованной городу Трогиру Коломаном в 1107 г., король сохранял за собой (за вычетом десятины в пользу епископа) право на 2/3 доходов от торговых пошлин, а 1/3 предоставлял городскому главе — князю (*comes*) [54, 19]. При этом мы

имеем основание считать, что в раннесредневековых государственных образованиях практика передачи верховными правителями 1/3 от всех доходов высшим представителям местной администрации была явлением распространенным. Согласно Повести временных лет 2/3 дани с древлян поступали в Киев, “а третья Вышгороду к Ользе: бе бо Вышгород град Вользин” [55, 17]. Сын князя Владимира Святославича Ярослав и другие новгородские посадники также уплачивали Киеву 2/3 дани, а 1/3 оставляли себе [56, 97]. В Норвегии на рубеже IX — X вв. право взимать в свою пользу третью часть доходов с подвластного населения получили ярлы, поставленные королем во главе каждой области [57, 9]. То же самое имело место в ранее средневековье у франков, когда графы, возглавлявшие основные административные единицы, получали треть собираемых ими государственных доходов [58, 140].

Впрочем, то обстоятельство, что основное “вознаграждение” жупанов заключалось, видимо, не в земельных пожалованиях, а в праве на долю налога, все же не означает отсутствие среди этой категории должностных лиц землевладельцев вотчинного типа. Как показывают данные, относящиеся к Петру Семивиту, земельные владения этого жупана находились в нескольких населенных пунктах. Так, в грамоте, составленной, как отмечается в ее тексте, в 1072 г., П. Семивит, названный здесь жупаном Сидраги, вместе со своим братом Славичей подарил монастырю св. Хрисогона всю свою землю в Бравизо (Обровац); при этом сделана специальная оговорка, что прежде данной территорией владел отец Петра Семивит [59, 225 — 226].

Согласно второму документу Петр Семивит вместе с сыном передал другому задарскому монастырю (св. Марии) церковь св. Петра и Павла со всеми ее владениями, расположенными также в Бравизо [11, 134]. Вполне оправдана в данном случае точка зрения крупного ученого-балканиста Е. А. Ефремова, что жупаны использовали свое положение для расширения собственных владений. “Рядовым общинникам, — пишет он, — трудно было спорить с жупаном, носителем функций государственной власти в пределах жупы” [60, 185]. Жупаны даже не останавливались перед захватом земель, принадлежавших монастырям. О такого рода претензиях жупана Стрезины в отношении земель монастыря св. Иоанна в селе Миране сообщает нам Е. А. Ефремов в диссертации “Развитие феодальных отношений в Хорватии X — XI вв.”. Лишь после специального разбирательства — спора в королевском суде — настоятелю монастыря удалось отстоять владение, на которое покушался жупан [60, 185]. Е. А. Ефремов справедливо замечает: что “если жупан попытался отторгнуть земли у духовенства, то как далеко могли заходить его действия в этом отношении к рядовым землевладельцам!” [60, 185]. О том, что данный процесс не прекращался и в более поздний период средневековой истории Сербии, т. е. и в XIV в., а масштабы произвола феодалов в деле насильственного передела недвижимой собственности в стране начали даже вызывать возмущение государя и правительства, свидетельствует ст. 142 Призренского списка “Законника Стефана Душана”. В частности, она гласит: “Если кто из властелей и властеличей, которым дало мое царское величество землю и города, будет уличен в насильственном завладении села и людей или иного чего против воли царевои сверх того, что мое царское величество дало на соборе, то у него да отыметса его земля, а тот, который устроил (этот наезд), пусть все платит от себя и своего дома и да будет наказан, как перебежчик (будет подвергнут смертной казни — В. Е.) [7, 141].

Относительно имущественного положения представителей следующих за жупанами звеньев территориальной администрации — поджупанов и сотников — известно крайне мало. Однако косвенные сведения из сербских исторических источников позволяют нам предположить, что среди сотников могли быть мелкие вотчинники. Данные более позднего периода свидетельствуют, что, оставаясь выборными должностными лицами, сотники вливаются подчас в ряды господской администрации [61, 81].

Нет прямых данных в источниках о земельных вознаграждениях за военную службу. Между тем имеются сведения, что воины входили с древних времен в состав ближайшего окружения сербских государей и высших должностных лиц. Наиболее ранним свидетельством этого рода, видимо, является указание Эйнхарда на существование в начале IX в. у князя Борны “своих преторианцев” [62, 322].

Насколько позволяют судить выявленные нами источники, владения светских вотчинников, как правило, были далеко неоднородными по происхождению. Часть их нередко составляли земли, полученные по наследству. При этом не следует исключать и тот факт, что некоторые вотчинники из числа служилых людей могли вообще не иметь унаследованных земель. Во всяком случае несомненно, что для превращения служилых людей в вотчинников в большинстве случаев определяющее значение имели королевские земельные пожалования. В целях расширения своих владений служилые люди прибегали и к насильственному захвату земель. Наконец, судя по отдельным косвенным данным, земли покупали не только духовные, но и светские лица.

Во всех вышеуказанных случаях речь шла только о формировании наследственной собственности. Однако Законник Стефана Душана предусматривал и наличие пожалования поместья за службу. Прония как форма владения была отчуждаема, ее нельзя было ни продавать, ни передавать безвозмездно, в частности, в собственность церкви, о чем свидетельствуют ст. 59 Призренского и ст. 61 Быстрицкого списков “Законника Стефана Душана”.

Мы не считаем возможным на основании имеющихся источников говорить о появлении пронии на территории Сербии ранее 1300 г., но при этом нельзя согласиться с таким поздним сроком возникновения сербского условного землевладения. Поэтому мы попытались установить наличие в Сербии других видов владения, время их появления, основные черты и отношение к пронии.

Основным источником для нашего исследования являются королевские жалованные грамоты — хрисовулы, содержащие перечень пожалованных сел, повинностей зависимых крестьян и иммунитетных привилегий. Однако самые ранние из сохранившихся хрисовулов конца XII в. не содержат сведений, позволяющих судить о наличии в Сербии того времени институтов условного землевладения. Прямых сообщений о нем нет и в Жичском хрисовуле 1222 г. Но в данном правовом акте содержатся материалы о классовом составе сербского общества. В соответствии с наказанием, следуемым за расторжением брака, все население здесь делится на властелей, “воиников” и “убогих”: “аще ли котори будеть отъ властель, да уземлет се на немь кралю 6 конь” аще ли отъ иных воиникъ, да узимает се на немь 2 коня; аще ли отъ убогих люди створить се, да узимает се на нихъ по 2 воли” [63, 14].

“Воиники” и властели за одно и то же преступление несли наказание, различающееся лишь по величине штрафа: вместо шести коней, уплачиваемых властями, “воиники” отдавали двух коней; для крестьян же штраф исчислялся в волах. Мы не можем сопоставить реальную стоимость коня и вола, но кони почти всегда являлись атрибутом собственности феодального сословия. В поместьях Баньского, Дечанского и других монастырей специально выделялись семьи скотоводов — влахов — для выпаса коней. В шести стримонских селах Хиландарского монастыря по описи 1300 г. на 127 семей приходилось всего 2 коня, но и они принадлежали священнику Николе [64, 17]. Даже из этих фактов можно сделать предварительный вывод, что “воиники” — воины по своему имущественному положению отличались от “убогих” в большей степени, чем от властелей. О близком социальном статусе воинов и властелей говорит и тот факт, что они участвовали в работе соборов, вместе с князьями и воеводами.

Вместе с тем сведения из ранних источников не позволяют нам сделать научно обоснованные выводы по сути изучаемого вопроса, поэтому обратимся к документам более позднего периода. В сохранившихся немногочисленных

хрисулах XIII в. “воиники” не упоминаются, но на рубеже XIII—XIV вв. в источниках появляется несколько важных сообщений о данной категории лиц.

В начале XIV в. король Милутин передал ряд земельных владений Хиландарскому монастырю. Оригинал дарственного хрисула утрачен и вместо него исследователи пользуются предварительной грамотой Андроника II 1308 г. и ее сербским переводом. В последнем упоминается “село Глоуси съ млини и съ прочим правинами его; и воиникъ, кои е тоу нарекоми Георгие Репана” [65, 132]. В более позднем хрисуле этому же монастырю подтверждается пожалование села Глусы “а оу Глоусехъ калогорьгия Репану” [12, 477]. Эти отрывки ясно свидетельствуют, что “воиник” Репан с начала XIV в., а может быть и несколько ранее проживал в вышеназванном селе.

Для выяснения вопроса об отношении Репаны к занимаемой земле можно использовать сообщение Скопльского хрисула 1300 г. В нем упоминается некий Хранча, который “по тьстине облюби цркъву, да есть цркъвни воиникъ оу законъ светога Симеона и светога Савы” [12, 619]. Хранча перешел под покровительство церкви и стал церковным “воиником” именно с целью получения земли своего тестя, т.е. владел этой землей на строго определенных условиях. Следовательно, и “воиник” Георгий Репана, исполняя военную службу, получил за нее село Глусы.

Владения “воиников” Хранчи и Георгия Репаны резко отличаются от крестьянских наделов. При передаче земли Хранче специально оговаривается “да имь се конь не товари и товара да не воде” [12, 619], т.е. он и лица подобного ему статуса освобождались от крестьянской повинности. Доказательством принадлежности Репаны к феодальному сословию может служить владение им целым селом с зависимым населением.

Несколько раньше мы могли убедиться в аналогичном положении “воиника” в первой трети XIII в.; следовательно, “воиники” начала XIV в. и “воиники”, упоминаемые в Жичском хрисуле, близки по общественному положению. Более того, Скопльский хрисул при определении условий службы за землю ссылается на “закон св. Симеона и св. Саввы”, что указывает не только на существовавшую в конце XII — начале XIII в. практику раздач земель за военную службу, но даже и на наличие узаконений в этой области.

Таким образом, землевладение на условии несения военной службы известно в Сербии с конца XII в. При этом не встречается никаких ограничений в его территориальном расположении: условные владения могли находиться в любой части страны. Они раздавались не только великими жупанами и королями, но и монастырями.

К концу XIII в. условные владения все чаще упоминаются в письменных источниках. Так, в Баньском хрисуле сообщается что до 1313 г. на территории, впоследствии отошедшей во владения монастыря, феодал Харачуг держал село Драмики, Доброслав Степковик и “прежде держал село в Расе около Бекова”, а братья дьякона Богоя держали село Моряны у кралицы Елены, матери Милутина. Эти феодалы не исполняли военной службы ни в прошлом, ни в настоящем и, надо полагать, получили землю на каких-то иных условиях [66, 16]. Видимо, уже в этот период условное землевладение в Сербии не носило исключительно военного характера.

На рубеже XIII—XIV вв. в документах южно-сербских монастырей впервые появился термин “прония”. Однако в сохранившихся хрисулах монастырей, расположенных в других регионах Сербии, он начинает упоминаться несколько позже, в 40-х гг. XIV в. Разумеется, данные одних только монастырских хрисулов не позволяют сделать общий вывод о том, что термин “прония” не упоминался в начале XIV в. и в других районах Сербии. Но наличие известий о пронии на рубеже XIII—XIV вв. в монастырских памятниках южных райнов Сербии и полное отсутствие подобных известий в аналогичных источниках других регионов страны подводят нас к выводу, что прония была более известна в этот период на юге.

Однако это ни в коей мере не означает, что во всей остальной Сербии условные владения прекратили существование и рост. Ранее мы обращали внимание на феодалов — “держателей” Баньского монастыря. Село около Бекова, данное в условное владение Доброславу Степковику Милутином, этим же королем передано в собственность монастырю. Но характер владений от этого не изменился: Доброслав лишь перешел в непосредственное подчинение Баньского монастыря. Аналогична судьба села Моряны. Оно не перестало быть условным владением и при включении в состав монастырской собственности. Подобные владения существовали и позже, но ни специального термина для обозначения этих владений, ни обязанностей их держателей мы не знаем.

Более отчетливо в юридических источниках представлена другая разновидность обладателей условных владений — милостников, которые начинают упоминаться в документах с начала XIV в. В том же Баньском хрисовуле содержатся следующие постановления: “Игоумень црковнога човека милостьникоу црковному да не отдае силомь, нь аште к то обништа, да та црквы направля, или да си своомь воломь пристане кь некомоу и работа, догде моу е хотение, и паки да походи на свое место” [12, 626].

Согласно приведенному сообщению церковные милостники находятся в пределах монастыря, но их владения территориально обособлены от остальных монастырских земель. Обнищавшие (скорее всего безземельные или малоземельные) крестьяне уходят на земли милостников и работают на них, получая за это, по всей видимости, небольшой участок. Однако при этом все земли продолжают оставаться собственностью монастыря. В противном случае игумен не согласился бы так легко только “по воле и желанию” зависимого крестьянина отпустить его на сторону. Да и сам игумен отдавал крестьян милостнику, полновластно распоряжаясь в монастырских владениях, подтверждением чего служит само запрещение поступать так в дальнейшем.

Милостник получал специальную грамоту, именуемую “милостной книгой” или просто “милостью”. За этим термином сербских актов документов часто скрывается различное содержание, но в общем широком значении он означал любое, в том числе и земельное пожалование. В пользу этого свидетельствует и ст. 79 Призренского списка “Законника Стефана Душана”, которая формирует правовой механизм разбора земельных споров: “Если кто предъявил милость цареву и скажет: “Дал мне господин царь, как владел мой друг прежде меня”, — если предъявит милость царскую, да будет так, да владеет” [7, 137]. Здесь уже совершенно точно определено, что милостник получает землю от царя в условное владение. Доказывая свои права на него, милостник представляет царскую грамоту, где записаны условия владения, аналогичные условиям владения его предшественника — “друга” (“как владел мой друг прежде меня”). Заметим, что в “Законнике Стефана Душана” законодатель не случайно квалифицирует в качестве предшественника не отца или брата, а постороннее лицо. Видимо, это было наиболее частым явлением. Следовательно, держания милостников были условными владениями на определенный, самое большее — пожизненный срок.

Широкое использование проний как вида владений в середине XIV в. на территории всего Сербского государства не уничтожило владений милостников: они известны в составе монастырских поместий, на государственных землях и в домене короля. В 1328 г. Стефан Дечанский послал в Дубровник своего милостника князя Бистета для получения королевского дохода [67, 9]. В Призренском хрисовуле 1348 г. “милостнику цареву” запрещается ставить должностных лиц в монастыре, что может делать только игумен [29, 139]. В обоих вышеназванных случаях речь идет о выполнении милостником административной службы. Царский милостник был наделен правом назначать должностных лиц местного государственного управления, и только специальное постановление государя Сербии изъяло Призренский монастырь из-под его власти. Князь Бистет являлся в данном случае “внутренним милостником

королевского дома”, т.е. держатель земли в королевском домене, исполняя службу, отправляется в Дубровник. Отсюда вполне вероятно предположить, что и остальные милостники получали владения за административную службу.

Можно также предположить, что в средневековой Сербии условные владения на землях крупных феодалов в рассматриваемый период значительно распространены. В 1366 г. Великий воевода Никола передал Хиландарскому монастырю часть баштинных земель, которые ему записал и утвердил лично царь Стефан Душан. Здесь среди 13 перечисленных сел одно находится во владении Доброслава Карьбика (“село, где е седель Доброславь Карьбикь”), другое — во владении Константина (“село, где е седель Костадинь”) [12, 445]. Но в 1366 г. их уже не оказалось в этих селах (о чем свидетельствует упоминание феодалов в прошлом времени). Феодалы могли уйти от воеводы по собственному желанию, но можно объяснить их исчезновение и окончанием срока владения, при том, что другие феодалы продолжали оставаться на землях воеводы Николы. Среди крестьянских нив в селе Трескавец расположено населенное отроками селище некоего Новака. Помимо того, Новаку принадлежат еще 9 нив, столп (господская земля), льнище, ливада. В селе Конча он же владеет мельницей [68, 90—91]. Новак — мелкий феодал, в прошлом владевший землями Николы и вместе с ними переданный монастырю. Таким образом, условные владения на светских землях не имели принципиально новых черт по сравнению с условными владениями, подчиненными монастырю. Они носили временный характер и были основаны на определенной зависимости от феодала — собственника, который свободно распоряжался условными владениями, отчуждая их в пользу любого лица.

Таким образом, на рубеже XII—XIII вв. в Сербии появились многочисленные земельные владения “воиников”, а позже владения светских феодалов и милостников, представляющие разновидности условного землевладения. Все они явились земельными пожалованиями на определенный срок с обязанностью исполнения военной или административной службы. За феодалами-держателями закреплялось право пользования землями, угодьями, рентой, получаемой с крестьян, но право свободного отчуждения, передачи в другие руки всегда оставалось только за собственниками. Позже данная норма была закреплена в ст. 59 Призренского списка, ст. 61 Быстрицкого списка и ст. 54 Ходошского списка “Законника Стефана Душана”, которая гласит: “Да не волен никто ни продать пронию, ни купить, кто не имеет баштины. Из прониярьской земли никто да не волен отдать церкви; если же отдаст, да не будет твердо” [7, 135; 12, 127, 186]. Аналогичные институты права мы встречаем и в зарубежном средневековом законодательстве. Так, в соответствии со ст. 72 “Псковской Судной грамоты” — источника русского права XV в. — запрещается продажа земли и других угодий, полученных в качестве условного феодального держания [13, 338]. Много общего в статусе сербской пронии и условного владения пожалованного королями Швеции конца XIII—XIV вв. Например, в Упландслаге (1296) говорится, что король “может жаловать лены своим служилым людям”. Такое владение представляло собой территорию, передававшуюся королем в управление должностному лицу вместе с правом взимания в свою пользу части королевских доходов с этой территории [48, 199—200]. В отличие от западно-европейских ленов — феодалов — шведские условные владения сохраняли публично-правовой характер и были не наследственными, а срочными.

Однако сравнение ряда норм права средневековой Сербии (XIV—XV вв.) и соответствующих норм Саксонского зеркала позволяет сделать вывод, что институты собственности в сербском праве развивались в рамках правовой традиции стран Западной Европы. Уже в середине XIV в. на территории Сербии стал широко применяться ленный принцип, когда владения, полученные отцом на основе права выслуги, переходили по наследству к его сыну, т.е. начала действовать норма, изложенная в ст. 14, кн. 1 “Саксонского зеркала” [69,

23]. На основе ленного права владение, полученное на условии выслуги, возвращалось господину только в том случае, если у ленника не было наследника или претендента, имеющего так называемое право ожидания на данное владение. Господин (собственник владения) имел право наделять кого-либо леном лишь тогда, когда он был свободен, т.е. когда не было законных претендентов на владение им.

Таким образом, в Сербии на рубеже XII – XIII вв. сформировалась система условного землевладения, появление которой было обусловлено внутренним экономическим и политическим развитием страны. В обстановке роста баштинного землевладения и необходимости создания вооруженной силы для проведения многочисленных войн раздача условных владений способствовала формированию новой феодальной организации с личным подчинением королю или собственнику земли. В сохранившихся источниках условное землевладение первоначально представлено владениями воинов, расположенными на государственных и монастырских территориях. Позже, к XIV в., в источниках появляются сведения об условных владениях светских феодалов, не связанных обязанностью военной службы. И те и другие по времени предшествуют пронии. В период появления пронии как института условной феодальной собственности на юге страны она оставалась еще неизвестной на территории других регионов Сербии при том, что там распространяются пожизненные, с обязанностью несения административной службы, владения милостников. С повсеместным утверждением проний владения “воиников” исчезают, остальные же разновидности условного землевладения продолжают существовать рядом с ней.

В отличие от римского права, которое резко отделяло право собственности как от владения, так и от вещных прав на чужую вещь, феодальное право даже и на поздних ступенях развития не проводило столь же четкой границы между отдельными формами вещно-правового господства. В течение ряда столетий оно обходилось даже без особого универсального термина для обозначения права собственности. В Германии соответствующая терминология образовалась в XIV в. [50, 354; 70, 47–48; 71, 1–6;]. В России термины “собственность” и “право собственности” появились только в XVIII в. [72, 117–121; 73, 277–288].

Отсутствие специального универсального термина, как это было в средневековой Сербии X – XV вв., безусловно, не свидетельствует об отсутствии самого института или понятия права собственности. Феодальное право уже на ранней стадии формирования выражало свои формы собственности и устанавливало различие между собственностью и владением, между петиторной и поссессорной защитой права собственности, но проводило его менее резко, чем это делало римское право. Не только до рецепции римского права, но даже и после нее оно не ставило резкой грани между петиторным и поссессорным процессом, допуская переход спора о владении в спор о праве, т.е. придавая в известной мере петиторный характер отдельным видам владельческих исков (*ordinarium possessorium*). Главная особенность феодального права заключалась, однако, в другом. В отличие от классического римского права, с его четким разграничением между правом собственности и правом на чужую вещь, в феодальном обществе преобладающую роль играло не право свободной, необремененной собственности, обеспечивающее его носителю всестороннее и исключительное господство над вещью (*jus utendi et abutendi*), но разнообразные формы связанной, обремененной собственности, открывавшие управомоченному возможность лишь ограниченного использования вещи — в пределах, не затрагивавших прав другого носителя — тоже связанной и ограниченной собственности на ту же вещь. Под общее понятие “собственность” феодальное право подводило не только право аллодиального собственника, не знавшего другого — верховного собственника над собой, но и все бесконечно разнообразные формы вещного господства — наследственного, пожизненного или срочного господ-

ства, с преобладанием права распоряжения над правом пользования или права пользования над правом распоряжения, господства, осуществляемого в настоящем или только рассчитанного на возможное его осуществление в будущем. С подобным дроблением вещного господства мы встречаемся уже на раннем этапе феодального общества и еще в большей степени в дальнейшие периоды его развития. Так, характеризуя еще франкский период средневековой европейской истории, Р. Шредер писал: “Каждое право пользования проявлялось в германском праве как право полного господства над вещью, отдельные же вещные права пользования были качественно ему равноценны и считались только различными видами собственности. Наследственная собственность, пожизненная собственность и узуфрукт, ленное и чиншевое права, фидуциарное залоговое право и право пользования опекуна различали не по их юридической природе, а по их большей или меньшей длительности и отчуждаемости” [74, 301–302]. Четкого понятия “право собственности” не знали и “варварские правды”. Когда в Салической правде шел разговор о *dominus* или *res sua*, там далеко не всегда понимались под этим только собственник и только собственная вещь. Еще неопределеннее оно в памятниках феодального права. Саксонское зеркало, говоря о принадлежности поместья, земельного участка или какого-либо другого имущества управомоченному, понимало под этим управомоченным как собственника, так и носителя другого вещного права на то или иное имущество. Поэтому спор между двумя носителями вещных прав на один и тот же участок был спором не о двух качественно различных правах: о праве собственности и праве на чужую вещь, но спором о “лучшем”, более сильном праве, причем спором, который чаще всего велся как спор о праве на владение вещью (*gewere*, *saisine*, *seisin*). Носитель этого права, только что победивший своего противника в судебном процессе, должен был отступить перед новым противником, у которого, в свою очередь, могло оказаться более сильное право на владение вещью по сравнению с его правом [50, 203–204; 75, 70].

Наличие разнообразных форм вещно-правового господства над землей и отсутствие резкой грани между правом собственности и другими вещными правами уже сами по себе открывали большую возможность сосуществования различных вещных прав на одну и ту же вещь, чем это имело место в римском праве. По мере усиления сословной дифференциации в феодальном обществе и образования особых правовых систем (*Rechtskreise*) для отдельных сословий создавались новые предпосылки по дальнейшему усложнению феодально-правовых отношений вообще и земельно-правовых отношений в особенности. В Германии и Франции, в отличие от средневековой Сербии, Болгарии и Восточной Римской империи, обособление сословных правовых систем получило наиболее широкое выражение, один и тот же участок земель мог быть признан собственностью одного лица — сеньора — по общеземельному праву и собственностью другого лица — вассала или крестьянина-чиншевика — по ленному или по местному праву [50, 369–370; 76, 139; 71, 97]. Эти права “собственности”, каждое из которых признавалось за его носителем в особой области правоотношений, могли спокойно “сосуществовать” без строгого разграничения, без приведения их “к единому знаменателю” лишь до тех пор, пока рост производительных сил, разделения труда и обмен не потребовали создания, наряду с многочисленными партикулярными системами, единой системы права в рамках феодального общества. Рецепция этой системы реализовывалась путем приспособления римско-правовых начал к феодальным правоотношениям через своеобразное конгломерирование римских правовых институтов с феодальными. Она поставила перед средневековыми юристами трудную задачу: разрешить (на основе римско-правовых понятий и норм) вопрос о возможности сосуществования права собственности у нескольких лиц на одну и ту же вещь в рамках единой системы права. В странах Западной и Центральной Европы эту задачу выполнили глоссаторы, создавшие учение о разделении собствен-

ности (*dominium divisum*). В средневековой Сербии и славянских странах эта задача решалась не менее успешно путем рецепции ряда источников из правовой системы Восточной Римской империи, которые уже были адаптированы к феодальным производственным отношениям и не нуждались в услугах глоссаторов.

Литература

1. Древняя редакция “Закона царя Юстиниана” // Флоринский, Т.Д. Памятники законодательной деятельности Душана Царя Сербовъ и Грековъ: Хрисовулы. Сербский Законникъ. Сборники византийскихъ законовъ / Т.Д. Флоринский. — Киевъ: Императорский университет св. Владимира, 1888.
2. *Радојичић Ђ.С.* Српски рукопис Земљорадничког закона / Ђ.С. Радојичић // Сборник радова Византолошког института Српска академија наука. — 1955. — Књ. 3.
3. *Липшиц, Е.Э.* Византийское крестьянство и славянская колонизация / Е.Э. Липшиц // Византийский сб. — М.—Л.: АН СССР, 1945. — С. 96—143.
4. *Липшиц, Е.Э.* Византийский Земледельческий закон и его судьбы в средневековых балканских государствах / Е.Э. Липшиц. — М.: Междунар. асоц. по изучению стран Юго-Восточной Европы, 1966.
5. Византийский Земледельческий закон / под ред. И.П. Медведева. — Л.: Наука, 1984.
6. Законик цара Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукопис / уредник М. Беговић. — Београд: Српска Академија наука и уметности, 1981. — Књ. II.
7. Душанов законик: прирзренски рукопис // Јанковић, Д. Историја државе и права феудалне Србије (XII—XV век) / Д. Јанковић. — 3-е издање. — Београд: Научна књига, 1961.
8. *Энгельс, Ф.* Франкский период / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. — 2-е изд. — М.: Полит. лит., 1954—1981. — Т. 19, 1961.
9. *Энгельс, Ф.* Марка / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. — 2-е изд. — М.: Полит. лит., 1954—1981. — Т. 19, 1961.
10. *Грковић М.* Прва хрисовуља Манастира Дечани / М. Грковић. — Београд: Центар за очување наслеђа Косова и Метохије, 2004.
11. *Бромлей, Ю.В.* Становление феодализма в Хорватии (к изучению процесса классовообразования у славян) / Ю.В. Бромлей. — М.: Наука, 1964.
12. *Новаковић С.* Законски споменици српских држава средњег века / С. Новаковић. — Београд, 1912.
13. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1984—1991. — Т. 1: Законодательство Древней Руси, 1984.
14. *Пьянков, А.П.* Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси / А.П. Пьянков. — Минск: БГУ, 1980.
15. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1984—1991. — Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства, 1985.
16. *Księga prawa zwyczajowego polskiego z wieku XIII* // Starodawne prawa polskiego pomniki / wyd. A. Helcel. — Kraków, 1870. — Т. 2.
17. *Bardach, J.* Historia ustroju i prawa polskiego / J. Bardach, B. Leśnodorski, M. Pietrzak. — 5-e wyd. — Warszawa: LexisNexis, 2003.
18. *Volumina legum.* — Petersburg, 1859. — Т. 1.
19. Салическая правда / под ред. В.Ф. Семенова. — М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина, 1950.
20. *Дембо, Л.И.* Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе / Л.И. Дембо. — Л.: ЛГУ, 1954.
21. *Fustel de Coulanges, M.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Les Transformations de la Royauté pendant l'époque carolingienne / M. Fustel de Coulanges. — 7-e edition. — Paris: Librairie Hachette, 1923.
22. *Зак, С.Д.* Некоторые черты однотипности и отличия германской и русской земледельческой общины в работах К. Маркса и Ф. Энгельса / С.Д. Зак // Проблемы аграрной истории: в 2 ч. / под ред. В.Л. Янина. — Минск: Наука и техника, 1978. — Ч. 1.
23. *Маркс, К.* Об освобождении крестьян в России / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. — 2-е изд. — М.: Полит. лит., 1954—1981. — Т. 12, 1958.
24. *Тарановски, Т.В.* Историја српског права у Немањинској држави / Т.В. Тарановски. — Београд: Службени лист СРЈ, 1996.
25. *Rački, F.* Nutarnje stanje Hrvatske prije XII stoljeca / F. Rački // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. — Zagreb, 1891. — Књ. 105.
26. *Новаковић С.* Село / С. Новаковић // Глас. — Свецка XXIV. — 1891.
27. *Balzer, O.* O zadrudze slowianskiej (uwagi i polemika) / O. Balzer // Kwartalnik historyczny. — 1899. — Т. XIII. — S. 183—256.
28. *Косвен, М.О.* Семейная община и патронимия / М.О. Косвен. — М.: АН СССР, 1963.

29. *Соловьев, А.В.* Одабрани споменици српског права од XII до краја XV века / А.В. Соловьев. — Београд, 1926.
30. *Леонтович, Ф.И.* О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полицкому Статуту, сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ / Ф.И. Леонтович // Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. — 1867. — Ч. СXXXIV. — № 4. — С. 1—19.
31. *Юшков, С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства / С.В. Юшков. — М.: Юрид. изд-во, 1949.
32. *Фроянов, И.Я.* Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя / И.Я. Фроянов. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999.
33. *Алексеев, Ю.Г.* Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование / Ю.Г. Алексеев. — Псков: Изд-во Центра “Возрождение”, 1997.
34. *Codex diplomaticus Majoris Poloniae* / Ed. J. Zakrzewski et F. Piekosiński. — Poznań, 1877. — Т. 1.
35. *Bilý, J.L.* Prbvní dějiny na šzemi České Republiky / J.L. Bilý. — Praha: Linde Praha, 2003.
36. Ермолович, В.И. Государство и право Чехии IX—XVI веков / В.И. Ермолович. — Минск: БГЭУ, 2005.
37. *Ермолович, В.И.* Гражданское право средневековой Чехии (общий взгляд на проблему) / В.И. Ермолович // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. — 2005. — № 5.
38. *Абрамсон, М.Л.* Южноитальянская община IX—XIII вв. / М.Л. Абрамсон // Средние века. Сб. — Вып. 32. — М.: Наука, 1969.
39. *Корсунский, А.Р.* О крестьянских общинных организациях в Астурии, Леоне и Кастилии в IX—XIII вв. / А.Р. Корсунский // Проблемы аграрной истории: в 2 ч. / под ред. В.Л. Янина. — Минск: Наука и техника, 1978. — Ч. 1.
40. Вестготская правда // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. / рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. — М.: Мысль, 1999. — Т. 2.
41. *Olafsen, O.* Jordfaellesskab og sameie. En historisk undersogelse / O. Olafsen. — Kristiania, 1914.
42. *Olsen, M.* Farms and Fanes of Ancient Norway / M. Olsen. — Oslo, 1928.
43. *Ostberg, K.* Norsk bonderet / K. Ostberg // Sedvaner i granneforhold. Bind. V. — Oslo, 1928.
44. *Shteteling, H.* Scandinavian Archaeology / H. Shteteling, H. Falk. — Oxford, 1937.
45. Гуревич, А.Я. Норвежская община в ранне средневековье / А.Я. Гуревич // Средние века: сб. — М.: АН СССР, 1958. — Вып. 11.
46. *Гуревич, А.Я.* Большая семья в северо-западной Норвегии в ранне средневековье (по судебнику Фростатинга) / А.Я. Гуревич // Средние века: сб. — М.: АН СССР, 1956. — Вып. 8.
47. *Norges gamle love indtil 1387* / Ung. ved. R. Keyser, P. Munch. — Christiania, 1846. — Bd. 1.
48. Ландслаг короля Магнуса Эрикссона / пер. со старошвед. и прим. С.Д. Ковалевского // Средние века. Сб. Вып. 26. — М.: Наука, 1964.
49. *Gierke, O.* Deutsches privatrecht / O. Gierke. — Leipzig: Verlag von Duncker und Humblot, 1895. — Bd. 1: Allgemeiner Teil und Personenrecht.
50. *Gierke, O.* Deutsches privatrecht / O. Gierke. — Leipzig: Verlag von Duncker und Humblot, 1905. — Bd. 2: Sachenrecht.
51. *Capitant, H.* Cours élémentaire de droit civil Francais / H. Capitant, A. Colin. — Т. 1. — Paris, 1923.
52. Ljetopis popa Dukljanina. Latinski tekst sa hrvatskim prijevodom i “Hrvatska kronika” / Priredio, napisao uvod i komentar V. Mošin. — Zagreb, 1950.
53. *Grafenauer, B.* Historija naroda Jugoslavije / B. Grafenauer, D. Perović, J. Šidak. — Zagreb, 1953. — Т. 1.
54. *Codex diplomaticus regni Croatiae, Slavoniae et Dalmatiae*. — Zagreb, 1964. — Т. 2.
55. Полное собрание русских летописей: в 5 т. — 2-е изд. — Л.: Историко-археографическая комиссия АН СССР, 1926—1928. — Т. 1: Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. — 1926.
56. Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.: в 2 ч. / под ред. Б.Д. Грекова, Л.В. Черепнина, В.Т. Ташуто. — М.: АН СССР, 1953. — Ч. 1.
57. *Гуревич, А.Я.* Так называемое “отнятие одаля” королем Харальдом Прекрасноволосым. (Из истории возникновения раннефеодального государства в Норвегии) / А.Я. Гуревич // Скандинав. сб. — Таллин: Тартус. гос. ун-т, 1957. — Вып. 2.
58. История средних веков: в 2 т. / под ред. Е.А. Косминского, С.Д. Сказкина. — М.: Госполитиздат, 1952—1954. — Т. 1. — 1952.
59. *Novak, V.* Notae historicae et topographicae. Supetarski kartular / V. Novak, P. Skok. — Zagreb, 1952—1954. — 1952.
60. *Ефремов, Е.А.* Развитие феодальных отношений в Хорватии X—XI вв.: дис.... канд. ист. наук: 07.00.03 / Е.А. Ефремов. — Л., 1954.
61. *Бромлей, Ю.В.* К вопросу о сотне как общественной ячейке у восточных и южных славян в средние века / Ю.В. Бромлей // История, фольклор, искусство славянских народов: Докл. советской делегации на V междунар. съезде славистов, София, сент. 1963 г. — М., 1963.
62. *Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium* / Ed. F. Rački. — Zagrabiae, 1877. — Vol. 7.
63. *Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii* / Ed. F. Miklosich. — Vienna, 1858.